

УДК 801.56

УСТУПИТЕЛЬНАЯ СЕМАНТИКА В АСПЕКТЕ ДИСКУРСИВНО-КАУЗАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Л.Н. ТОЛСТОГО)

© Н.А.Андримонова

В статье рассмотрена дискурсивно-текстовая синтагматика concessивных структур. Автор выявляет формы представления каузальной информации, характеризует приемы комбинаторики значений уступки и причины. В ходе исследования прослеживается выход соответствующих значений в расширенное текстовое пространство. Установлена также их ситуативно-контекстуальная значимость в произведениях Л.Н.Толстого.

Ключевые слова: семантика, синтагматика, concessивность, каузальность, дискурс, Л.Толстой.

Семантика concessивности, имеющая сложный характер, тесно взаимодействует со значениями каузальности, кондициональности и противительности.

Причинно-следственные отношения, структурирующие уступительность, наиболее значимы. Они рассмотрены в ряде работ, прежде всего на уровне языковых моделей и их трансформационных вариантов [1-2 и др.], тогда как дискурсивно-текстовые аспекты реализации значения уступительности и его составляющих в меньшей степени попадают в поле зрения исследователей.

Семантика уступительности, базирующаяся на логических отношениях импликации, опирается и на категорию ожидания, которая расценивается как внелогическая, как «...тип психологического реагирования, связанного с определенным состоянием сознания, умением согласовывать свои поступки с ожидаемыми и желаемыми следствиями» [3: 71], которые в рамках concessивных связей оказываются нарушенными, непредвиденными. Это вносит элемент парадоксальности, удивительности, странности, вызывает внутреннюю борьбу и смятение чувств, что позволяет интерпретировать уступительность как явление когнитивного диссонанса и как синтез концептуальности и сенсорики.

Нацеленность Л.Н.Толстого на показ человека с учетом его нравственных исканий, душевных переживаний, равновесных и неравновесных состояний определила использование тех вербальных средств, которые способны передать мысли и чувства персонажей не только сквозь призму сложившихся стереотипов мышления или поведения, а нарушая или отвергая их, что содействовало активизации уступительно-контрастивной семантики с ее алогичностью и ненормативностью. Это, в свою очередь, потребовало расширения исходной двучленной модели ситуации concessивности за счет подклю-

чения каузального компонента мотивирующе-комментирующего характера.

Значимость обращения к каузальности в художественном дискурсе Л.Н.Толстого стимулируется и соответствующим высказыванием великого писателя: «Как бы ни была непостижима для нас причина выражения воли в каком бы то ни было в нашем или чужом поступке, первое требование ума есть предположение и отыскание причины, без которой немислимо никакое явление» [4: 595].

Комбинаторику каузальных и concessивных значений и «техники» их соединения, при всем языковом многообразии и ментальных пересечениях в дискурсе Л.Н.Толстого, можно свести к следующим вариантам.

В составе сложноподчиненных предложений с семантикой обусловленности, широко представленной в толстовских текстах, выделяется двучленная модель с уступительной семантикой, дополненная придаточными каузального содержания при наличии эксплицитных показателей – соответствующих союзов или союзных слов: «*Хотя слова приказа и показались неясны полковому командиру и возник вопрос, как разумеет слова приказа: в походной форме или нет? – в совете батальонных командиров было решено представить полк в парадной форме на том основании, что всегда лучше перекланяться, чем недокланяться*» [4: 71].

При этом в художественном дискурсе Л.Н.Толстого мотивация нередко может быть представлена рядом градуируемых придаточных причины, детально трактующих описываемую ситуацию: «*Хорунжиха знает намерение Лукашкиной матери, и хотя Лукашка ей кажется хорошим казаком, она отклоняется от этого разговора, во-первых, потому, что она – хорунжиха и богачка, а Лукашка – сын простого казака, сирота. Во-вторых, потому, что не хочется ей*

скоро расстаться с дочерью. Главное же потому, что приличие того требует» [5: 51-52].

Имеет место переплетение уступительных и причинных отношений и при стечении соответствующих союзов – **потому что, хотя; так как, несмотря на то, что** и др.: «*Эта похвала его стратегическим способностям была особенно приятна Николаю, потому что, хотя он и гордился своими стратегическими способностями, в глубине души он сознавал, что их не было*» [5: 258]. В подобных структурах выделяется каузально-концессивный блок, в котором имеет место слитность соответствующих значений, их композиционная нерасторжимость.

В роли эксплицитных показателей семантики причины и /или уступки нередко выступают полупредикативные осложняющие единицы, маркируемые прежде всего изофункциональными союзами – предлогами (*вследствие, благодаря, несмотря на и т.п.*), а также другими средствами в роли обстоятельств со значением причины: «*Но когда она узнала о присутствии в их доме князя Андрея, несмотря на всю искреннюю жалость, которую она испытала к нему и к Наташе, радостное и суеверное чувство того, что бог не хочет того, чтобы она была разлучена с Nicolas, охватило ее*» [4: 540]. В данном предложении функцию указания на состояние персонажа (Сони) выполняет первое предложение, получившее темпорально-каузальный смысл.

Нередко в роли каузального распространителя выступают деепричастия (зная, рассчитывая, думая и т.п.), которые при этом подключают придаточные изъяснительные как информативно значимые в разъяснении высказывания: «*Несмотря на то, что путь в горы лежал направо, Хаджи-Мурат повернул в противоположную сторону, влево, рассчитывая на то, что погоня бросится за ним именно направо*» [5: 30]; «*И хотя он тотчас же подумал о том, как бессмысленна его просьба о том, чтоб они не были убиты дубом, который уже упал теперь, он повторил ее, зная, что лучше этой бессмысленной молитвы он ничего не может сделать*» [6: 393].

Основание для нарушения нормы или привычного осложнения дел может передаваться за счет паратаксиса (сочинительной и бессоюзной связи), семантически заряженного каузальностью: «*Как ни мало вкусно все это было, Нехлюдов ел, не замечая того, что ест; так он был занят своею мыслью, сразу разрешившую ту тоску, с которой он пришел с деревни*» [7: 226]; «*Хотя и не было положительных известий о поражении австрийцев, но было слишком много обстоятельств, подтверждавших общие невыгодные слухи; и потому предположение Кутузо-*

ва о победе австрийцев было весьма похоже на насмешку» [4: 65].

Аргументация семантики концессивности может выходить за рамки одного автономного предложения, получая постпозитивную или – реже – препозитивную мотивировку: «*...он просил сестру простить его за то, что в свой приезд в Лысье Горы он ничего не сказал ей об этом решении, хотя и говорил об этом с отцом. Он не сказал ей этого потому, что княжна Марья стала бы просить отца дать свое согласие...*» [4: 276]; «*Несмотря на то, что Нехлюдов приехал поздно, пришлось долго дожидаться. Задерживал дело до сих пор не приехавший один из членов суда*» [7: 22].

Предтекст также вносит ясность в последующее повествование, его интерпретацию: «*– Пожалуйста, не командуй, – отвечал я. – Разбил так разбил; что ж тут говорить!*

И я улыбнулся, хотя мне совсем не хотелось улыбаться» [8: 143].

Неизвестная, скорее непонятная для субъекта причина его состояния или поведения передается за счет наречия *почему-то*, а также устойчивых фраз «*бог знает почему*», «*сам не знаю почему / отчего*»: «*Хотя княжна Марья, несмотря на свою некрасивость, и казалась ему привлекательнее Жюли, ему почему-то неловко было ухаживать за Болконской*» [4: 312];

«*– Когда вы едете?*

– Не знаю, может быть, завтра, а может быть, пробудем еще довольно долго, – отвечал я почему-то, несмотря на то, что мы наверно должны были ехать завтра» [8: 277].

Любопытно, что у субъекта такого состояния может появиться желание интерпретировать его, дать комментарий, однако не приводящий к пониманию причины как таковой: «*Притом же, несмотря на то, что в темноте я не мог рассмотреть его хорошенько, ямщик мой почему-то мне не нравился и не внушал к себе доверия. Он сидел совершенно посередине, с ногами, а не сбоку, роста был слишком большого, голос у него был ленивый, шапка какая-то не ямская – большая, раскачивающаяся в разные стороны; да и понукал он лошадей не так, как следует, а держа вожжи в обеих руках, точно как лакей, который сел на козлы за кучера, и, главное, не доверял я ему почему-то за то, что у него уши были подвязаны платком*» [9: 4].

Расширенные аргументированные контексты имеют место и в том случае, если причина понятна персонажу произведения, и он, выдвигая тезис в форме уступительного высказывания, раскрывает его, приводя целый ряд доводов, при этом наряду с реляционной семантикой может

быть задействована и лексическая: «Несмотря на все желание, мне было в то время буквально невозможно сойтись с ними. Наше понимание было совершенно различно. Была бездна оттенков, составлявших для меня всю прелесть и весь смысл жизни, совершенно непонятных для них, и наоборот. Но главную причину невозможности сближения были мое двадцатирублевое сукно на сюртуке, дрожки и голландская рубашка. Эта причина была в особенности важна для меня: мне казалось, что я невольно оскорбляю их признаками своего благосостояния» [8: 353].

К числу специфических форм взаимодействия уступки и причины ее появления можно отнести те структуры, в которых эти значения переплетаются и расцениваются субъектом речемыслительной деятельности как в той или иной степени равнозначные, концептуально равновесные, то есть наблюдается явление известной нейтрализации, где препятствующее обстоятельство склонно расцениваться как благоприятствующее, что позволяет передать переливы чувств и мыслей, специфику видения ситуации или положения дел.

Связь между этими компонентами осуществляется за счет союза *или* со смещенным значением и окрашивается субъективными вкраплениями модусного характера (*может быть, лучше, особенно, именно* и некоторых других): «Мучительно неловко ему было оттого, что против него сидела свояченица в особенном, для него, ему казалось, надетом платье, с особенным в виде трапеции вырезом на белой груди; этот четверугольный вырез, несмотря на то, что грудь была очень белая, или особенно потому, что она была очень белая, лишил Левина свободы мысли. Он воображал себе, вероятно, ошибочно, что вырез этот сделан на его счет, и считал себя не вправе смотреть на него и старался не смотреть на него; но чувствовал, что он виноват уж за одно то, что вырез сделан. Левину казалось, что он кого-то обманывает, что ему следует объяснить что-то, но что объяснить этого никак нельзя, и потому он беспрестанно краснел, был беспокоен и неловок» [10: 358-359]; «Она знала тоже, что <...> искусство было по его натуре совершенно чуждо ему, но что, несмотря на это, или лучше вследствие этого, Алексей Александрович не пропускал ничего того, что делало шум в этой области, и считал своим долгом все читать» [10: 124]; «Так что, несмотря на уединение или вследствие уединения, жизнь его была чрезвычайно наполнена, и только изредка он испытывал неудовлетворенное желание сообщения бродящих у него в го-

лове мыслей кому-нибудь, кроме Агафьи Михайловны <...>» [10: 167].

Своеобразную уступительную ситуацию реализуют случаи осведомленности субъекта общения, знания ими информации, передаваемой адресатом, но непризнания этого в силу тех или иных правил общения, отношения к адресату и др.: «– Я очень жалею бедного графа, – проговорила гостья, – здоровье его и так плохо, а теперь это огорченье от сына, это его убьет!

– Что такое? – спросила графиня, как будто не зная, о чем говорит гостья, хотя она раз пятнадцать уже слышала причину огорчения графа Безухого» [4: 24]; «– А мой Лукаша на кордоне, а домой не пускают, – говорит пришедшая, несмотря на то, что хорунжиха давно это знает. Ей нужно поговорить про своего Лукашу, которого она только собрала в казаки и которого она хочет женить на Марьяне, хорунжевой дочери [5: 51].

Специфика показа внутреннего мира человека с учетом нравственных исканий, душевных смятений, противоречивости и поиска жизненных доминант состоит в том, что Л. Толстой не столько обращается непосредственно к Я-позиции, к прямой речи и внутренним монологам, хотя и это имеет место, а, как правило, передает «поток сознания» [11] и его перекодировку в авторском повествовании, где слово героя «заключено в твердую оправу авторских слов о нем» [12: 75].

Итак, стремясь к максимальной направленности своих текстов на адресата в передаче внутреннего мира персонажей, Л. Толстой реализует «правила сложения смыслов» [13: 10], что прослеживается на уровне взаимодействия реляционных и лексических значений в сфере семантики обусловленности как одной из ведущих в структурировании дискурса.

Семантико-прагматическое взаимодействие уступительности и каузальности обуславливается концептуально-ситуативной составляющей и ее осмыслением субъектом речи-мысли с учетом установившихся норм, представлений и знаний об обычности, логичности их корреляций и фиксации отступлений от них, в определенной степени стимулируемых русской ментальностью и эмоциональностью, склонностью к алогичному и удивительному, что исчерпывающе отражено в творчестве Л.Н.Толстого, у которого «наружность чисто русская и – душа подлинно русская» [14: 229].

1. Апресян В.Ю. Уступительность: языковые связи // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура:

- Сб. статей в честь Н.Д.Арутюновой / Отв. ред. Ю.Д.Апресян. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 255 – 266.
2. *Паршин П.Б.* Уступка и антиуступка в деонтическом диалоге (функционирование лексемы *хоть*) // Логический анализ языка: Избранное, 1988-1995. – М.: Индрик, 2003. – С. 146 – 168.
3. *Черемисина М.И., Колосова Т.А.* Очерки по теории сложного предложения. – Новосибирск: Наука, 1987. – 198 с.
4. *Толстой Л.Н.* Война и мир. – М.: ОГИЗ, 1945. – 688 с.
5. *Толстой Л.Н.* Кавказские повести. – Воронеж: Центр.-черноземное кн. изд-во, 1973. – 320 с.
6. *Толстой Л.Н.* Анна Каренина. В 2-х т. – М.: Дрофа, 2006. – Т. 2. – 418 с.
7. *Толстой Л.Н.* Воскресение. – М.: ОГИЗ, 1949. – 502 с.
8. *Толстой Л.Н.* Детство. Отрочество. Юность. – Казань: Таткнигоиздат, 1976. – 366 с.
9. *Толстой Л.Н.* Повести и рассказы. – М.: Сов. Россия, 1984. – 256 с.
10. *Толстой Л.Н.* Анна Каренина. В 2-х т. – М.: Дрофа, 2006. – Т. 1. – 470 с.
11. *Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 480 с.
12. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Сов. Россия, 1979. – 315 с.
13. *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Изд-во АН СССР, 1974. – 428 с.
14. *Лосский Н.О.* Нравственная личность Л.Н. Толстого // Л.Н. Толстой: pro et contra. – СПб.: РХГИ, 2000. – С. 229 – 242.

CONCESSIVE SEMANTICS IN THE CONTEXT OF DISCURSIVE-CAUSAL INTERPRETATION (BASED ON LEO TOLSTOY'S WORKS)

N.A.Andramonova

The article considers discursive text syntagmatics of concessive structures, reveals the forms of presenting causal information and characterizes the techniques of combining the meanings of concession and reason. The research traces the release of the corresponding meanings into the extended text space and identifies their semantic and situational-contextual significance in the works of L.Tolstoy.

Key words: semantics, syntagmatics, concessiveness, causality, discourse, L.Tolstoy.

1. *Apresyanyan V.Yu.* Ustupitel'nost': yazykovye svyazi // Sokrovennyye smysly. Slovo. Tekst. Kul'tura: Sb. statej v chest' N.D.Arutyunovoj / Otv. red. Yu.D.Apresyan. – M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. – S. 255 – 266. (in Russian)
2. *Parshin P.B.* Ustupka i antiustupka v deonticheskom dialoge (funkcionirovanie leksemy xot') // Logicheskij analiz yazyka: Izbrannoe, 1988-1995. – M.: Indrik, 2003. – S. 146 – 168. (in Russian)
3. *Cheremisina M.I., Kolosova T.A.* Ocherki po teorii slozhnogo predlozheniya. – Novosibirsk: Nauka, 1987. – 198 s. (in Russian)
4. *Tolstoj L.N.* Vojna i mir. – M.: OGIKZ, 1945. – 688 s. (in Russian)
5. *Tolstoj L.N.* Kavkazskie povesti. – Voronezh: Centr.-chernozemnoe kn. izd-vo, 1973. – 320 s. (in Russian)
6. *Tolstoj L.N.* Anna Karenina. V 2-x t. – M.: Drofa, 2006. – T. 2. – 418 s. (in Russian)
7. *Tolstoj L.N.* Voskresenie. – M.: OGIKZ, 1949. – 502 s. (in Russian)
8. *Tolstoj L.N.* Detstvo. Otrochestvo. Yunost'. – Kazan': Tatknigoizdat, 1976. – 366 s. (in Russian)
9. *Tolstoj L.N.* Povesti i rasskazy. – M.: Sov. Rossiya, 1984. – 256 s. (in Russian)
10. *Tolstoj L.N.* Anna Karenina. V 2-x t. – M.: Drofa, 2006. – T. 1. – 470 s. (in Russian)
11. *Losev A.F.* Znak. Simvol. Mif. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1982. – 480 s. (in Russian)
12. *Baxtin M.M.* Problemy poe'tiki Dostoevskogo. – M.: Sov. Rossiya, 1979. – 315 s. (in Russian)
13. *Shherba L.V.* Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'. – L.: Izd-vo AN SSSR, 1974. – 428 s. (in Russian)
14. *Losskij N.O.* Nravstvennaya lichnost' L.N. Tolstogo // L.N. Tolstoj: pro et contra. – SPb.: RXGI, 2000. – S. 229 – 242. (in Russian)

Андромонова Наталия Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации им.Льва Толстого Казанского федерального университета.

420008, Россия, Казань, ул.Кремлевская, 18.
E-mail: Natalia.Andramonova@kpfu.ru

Andramonova Natalia Alekseevna – Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language and Instruction, Institute of Philology and Intercultural Communication named after Leo Tolstoy, Kazan Federal University.

18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russia
E-mail: Natalia.Andramonova@kpfu.ru

Поступила в редакцию 04.05.2015